

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф82

Фрай, Макс

Ф82 Отдай мое сердце / Макс Фрай. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 400 с. — (Сновидения Ехо (иллюстрации Ольги Закис)).

ISBN 978-5-17-147646-5

Когда тебя просят отдать чье-то сердце, предполагается, что ты его перед этим похитил.

Похитить сердце — величайшее одолжение, которое может сделать один человек другому. Потому что любовь — источник самой сладкой разновидности силы и одновременно — мост, соединяющий нас с жизнью, смертью, иными Мирами и временами, со всем свершившимся и несбывшимся. И в конечном итоге с самими собой.

В этой книге содержится инструкция, разъясняющая, что следует делать с сердцами — своим и чужими.

Всеми, какие под руку подвернутся.

А также подробное антропологическое исследование, целью которого было выяснить,

чем отличается законченный псих от полного придурка.

Выяснили.

Мы — молодцы.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-147646-5

© Макс Фрай, текст, 2022
© Ольга Закис, обложка, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Когда за мной закрылась тяжелая дверь тюремной камеры, я рухнул на кровать, даже не вспомнив о необходимости разуться. Слишком долго ждал этого момента — примерно три с половиной часа, пока длился торжественный обед, устроенный в мою честь комендантом Холоми. Сэр Камши славный человек, но, на мой вкус, немного чересчур гостеприимный. Лично я, заметив, что мой гость засыпает над тарелкой, обычно говорю: «Хватит жрать», — и отпускаю беднягу с миром. Впрочем, возможно, это была такая изощренная месть? Насколько я помню, мы неплохо ладили в ту пору, когда нынешний комендант Королевской тюрьмы был подающим надежды лейтенантом Городской полиции, но я уже не раз обнаруживал, что люди, с которыми я, по собственному убеждению, «неплохо ладил», на самом деле годами таят обиду за какое-нибудь недоразумение, ну или просто боятся меня как огня. И теперь на всякий случай стараюсь учитывать такую возможность. Получается плохо, но само по себе намерение приятно разнообразит мою интеллектуальную жизнь.

Но главное, что этот грешный обед в какой-то момент все-таки завершился. И я, как положено настоящему

герою, дожил до счастливого финала, такой молодец. За это был с подобающими почестями водворен в тюремную камеру. И даже заперт по всем правилам, после чего дверь, как это принято в Холоми, исчезла, превратившись в гладкую стену, хотя это, на мой взгляд, уже лишнее. Какой из меня сейчас, к Темным Магистрам, беглец. У меня и раздеться-то сил нет.

Как это часто бывает в состоянии предельной усталости, я долго не мог заснуть. Лежал на спине, смотрел в потолок, улыбался — просто потому, что убрать с лица приветливую улыбку, предназначенную сэру Камши, оказалось ничуть не легче, чем снять сапоги, и думал: «Вот я и допрыгался до тюрьмы». Оценить комизм ситуации я все еще мог, но только теоретически. Ничего, выплюсь, потом посмеюсь.

В Холоми я угодил по решению специально созданного для расправы со мной суда в составе Королевского знахаря Абилата Параса и начальника Тайного Сыска сэра Джуффина Халли. Нынешний Великий Магистр Ордена Семилистника, якобы Благостного и, как ни удивительно, все еще Единственного, не только не возражал против этого беззакония, а, подозреваю, еще и подзуживал; доказательств у меня нет, но сердце не обманешь. Умею я, что называется, выбирать друзей.

Все они по каким-то неизъяснимым причинам чрезвычайно дорожат моей жизнью. И в своем маниакальном стремлении ее сохранить способны на воистину ужасные поступки. Например, сгноить меня в Королевской тюрьме.

Официально считалось, будто я доработался до нервного срыва. Неофициально — что я до него доотдыхался. Правда где-то посередине: на самом деле я понятия

не имею, где заканчивается моя работа и начинается отдых. И не то чтобы горю желанием непременно разобратсья в данном вопросе. Все это вместе — просто моя жизнь. Прекрасная и удивительная; по крайней мере, лично мне другой не надо.

Плохо тут только то, что организм мне достался крайне неудачной конструкции: он неспособен обходиться без ежедневного долгого сна. И никакое могущество не помогает, скорее, наоборот: чем больше колдую, тем дольше мне потом надо спать. В смысле именно спать без задних ног, а не предаваться искусству сновидений, которое — сюрприз, сюрприз! — оказывается вовсе не заменяет полноценный отдых. Вот это, кстати, очень обидно было узнать. Я-то рассчитывал сэкономить кучу времени, назначая часть дружеских встреч и романтических свиданий во сне, а оказалось, после них надо дополнительно отсыпаться. И это уже ни в какие ворота — ни Кехервара Завоевателя, ни Пролом Тойхи Менки, ни Трех Мостов.

Так называемый «нервный срыв» в моем исполнении выглядел куда более безобидно, чем элементарное пьянство на рабочем месте. То есть я вообще никаких бед не натворил, просто грешным делом перепутал несколько простеньких заклинаний — со сложными у меня, хвала Магистрам, даже в бессознательном состоянии не бывает проблем — да пару раз ушел Темным Путем не совсем туда, куда изначально намеревался; впрочем, тут же вернулся целым и невредимым, так что совершенно непонятно, зачем было поднимать такой шум. Однако они, конечно, подняли — все эти кошмарные существа из иного мира, прикинувшиеся моими друзьями. Их хлебом не корми, дай поизмываться над беззащитным мной.

Сперва они попытались отправить меня в отпуск. Не то чтобы я возражал, наоборот, подпрыгнул до потолка и побежал паковать дорожную сумку. Проблема в том, что отправить в отпуск человека, обученного ходить Темным Путем и при этом решительно неспособного построить самый элементарный барьер от Безмолвной речи, технически невозможно. Потому что в его голове постоянно будут звучать голоса — друзей, приятелей, просто знакомых и, между прочим, коллег, у которых внезапно что-то стряслось, начиная с ужасающих видений после пирожков с какой-то хитрой начинкой в безмянном трактире, бесследно исчезнувшем сразу после ужина, и заканчивая очередным ночным концертом Маленького Оркестра — отпуск отпуском, но такое событие нельзя пропустить.

Лучше всех в жанре сиротской песни на тему «Мы без тебя пропадаем» выступил заместитель начальника Городской Полиции. Его можно понять, в последнее время жители столицы Соединенного Королевства начали как-то очень уж изощренно чудить, а когда случается нечто из ряда вон выходящее, принято звать меня; подозреваю, просто по ассоциации, благо я из этого грешного ряда тоже регулярно куда-то выхожу. Вот и Трикки Лай ни в чем себе не отказывал, звал меня на помощь чуть ли не по дюжине раз на дню, а послать его к дурымским лешим у меня язык не поворачивается, он мне практически родственник. То есть создатель чудовища, которое я приютил.

Означенное чудовище, кстати сказать, в этот самый момент сдавало вступительные экзамены в Королевский Университет, а потому желало ежедневно рыдать от ужаса, радости и просто избытка впечатлений, предпочти-

тельно на моей груди. Как медом ей там намазано. И вообще всем.

В итоге так называемый отпуск незаметно превратился в обычные рабочие будни, только и счастья, что ночевал я не дома, а в роскошной гостинице на дальнем краю Мира, но какая разница, где спать какие-то несчастные три часа.

В общем, отпуск меня окончательно доконал. После чего сэр Шурф получил уникальную возможность испытать на мне все усыпляющие заклинания, которые успел вы зубрить за свою, по местным меркам, не то чтобы слишком долгую, но чрезвычайно насыщенную жизнь. Мне понравилось быть жертвой его бесчеловечных экспериментов, однако даже самые мощные заклинания действовали на меня хорошо если вполсилы. То есть просыпался я не по команде наложившего их чародея, как, по идее, принято среди приличных людей, а когда мне заблагорассудится — от всякого присланного зова, скрипа половиц в прихожей, шума ветра, стука дождя или просто от того, что кто-то где-то сейчас обо мне вспомнил, иногда достаточно даже такого пустяка. Друг мой Абилат говорит, что так проявляет себя моя беспокойная жадность к жизни; но на самом деле ясно, что я просто очень упрямый и никому не позволю всерьез себя заколдовать. Даже ближайшему другу. Собственно, в первую очередь ему. А то как, интересно, я потом буду перед ним выпендриваться? Нет, не пойдет.

Некоторое время сэр Джуффин Халли наблюдал за мной с присущим ему интересом исследователя всякой неведомой херни, но в конце концов решил положить конец безобразию и заточил меня в Холоми на целую дюжину дней. В общем, правильно сделал: Королевская тюрьма

и правда идеальное место для того, чтобы устроить отпуск придурку вроде меня, готовому подорваться куда угодно по первому зову. Безмолвная речь в Холоми не действует, как, впрочем, и любая другая магия. Здесь даже искусством сновидений особо не развлечешься. И Темным Путем отсюда хрен куда-то уйдешь. Нет — значит нет.

Именно то, что надо.

Для начала я проспал почти два дня. Рассказывают, что дежурные охранники, получившие строжайший наказ не беспокоить меня, пока сам не позову, на вторые сутки начали нервничать и бегать к начальству с предложениями проверить, жив я еще или нет. К счастью, комендант человек негибемый, не позволил им меня разбудить, хотя потом признался, что и сам уже втайне прикидывал, как он будет объясняться с сэром Джуфффином Халли, обнаружив в камере мой холодный труп.

Однако на исходе второго дня я воскрес и в наказание за такое поведение был немедленно подвергнут гастрономическим пыткам, продолжавшимся чуть ли не до полуночи; впрочем, не то чтобы я возражал. Потом проспал еще полночи и проснулся настолько окончательно и бесповоротно живым, что сам удивился — тому, что так долго удовлетворялся жалким подобием этого ощущения. И даже не поленился специально сходить в кабинет коменданта, где работает Безмолвная речь, чтобы послать зов Джуфффину и сказать: «Спасибо. Ты меня натурально спас. Больше ни за что, никогда...»

«Чистосердечное покаяние заключенных всегда трогало мое сердце, — перебил меня шеф Тайного Сыска. — Однако оно еще никогда не являлось достаточно веской причиной для сокращения срока. Так что иди дрыхни дальше, счастливчик».

Вот же черт. Я был почти уверен, что Джуффин скажет: «Выспался? Вот и хорошо, мы тут без тебя зашиваемся, немедленно дуй в Дом у Моста».

Правда, огорчился я только теоретически, что вышло не по-моему. А на практике еще целых три дня наслаждался безмятежной жизнью в камере для особо опасных государственных преступников среди узорчатых подушек, расписных кружек с превосходной тюремной камрой и книг из библиотеки Холоми, одной из лучших в Соединенном Королевстве; впрочем, будучи любителем беллетристики, которую здесь никто не пишет, я не способен оценить ее по достоинству, только перерывать сверху донизу в поисках старинных мемуаров уандукских мореходов, хоть сколько-то соответствующих моим представлениям об увлекательном чтении. По крайней мере, они подробно описывают Мир, который я еще толком не успел изучить.

Считается, будто долгое тюремное заключение должно способствовать исправлению преступника. Эта идея всегда казалась мне, мягко говоря, наивной, однако моему исправлению заточение и правда поспособствовало. По крайней мере, на пятый день я дал себе честное слово срочно научиться ставить эту клятую защиту от Безмолвной речи, без которой мой прекрасно распланированный отпуск превратился. Магистры знают во что. Все говорят, фокус как фокус, ничего особенного, по крайней мере, для человека, овладевшего угуландской Белой магией хотя бы до восьмидесятой ступени; подзреваю, мне это до сих пор не удавалось только потому, что на самом деле я не хотел закрываться от Безмолвной речи, как когда-то в позапозапрошлой, уже почти забытой жизни не решался отключать на ночь домашний

телефон — а вдруг в этот самый момент стряется что-то Невероятно Важное, и мне позвонят, чтобы сообщить? Некоторые дурные привычки надолго переживают людей, которые их завели.

Раскаяние мое свидетельствовало не столько о пробуждении разума, сколько о том, что я уже отдохнул как следует. В смысле изрядно заскучал. Перспектива провести в уютной тюремной камере еще целых семь дней окончательно перестала казаться мне забавной. Все это я попробовал объяснить сэру Джуффину Халли во время очередного сеанса связи, но он меня и слушать не стал. Заявил, что наш Абилат — лучший знахарь Соединенного Королевства, и уж если он велел продержать меня без работы, развлечений и колдовства целую дюжину дней, значит, так надо. Хотя, конечно, может быть, и не надо. Но все равно лучше не рисковать.

В финале нашей беседы я в очередной раз порадовался что не умею убивать силой мысли на расстоянии: все-таки Джуффин мне еще пригодится, мало ли что вот прямо сейчас я сержусь. И впервые в жизни всерьез огорчился, что не умею вышивать крестиком. Ну или ткать гобелены. За оставшиеся семь дней можно было бы успеть создать монументальное историческое полотно, повествующее обо всех моих подвигах. Иных идей, как приятно и с пользой провести это время, у меня не было. Ну в самом деле, не роман же писать.

...К счастью, у моего организма есть одно чудесное свойство; вернее, чудесных свойств у этого паразита несколько больше, чем требуется для приятной жизни, но среди них есть как минимум одно очень полезное: уж если мне чего-нибудь позарез приспичит, я это, будьте уверены, получу. В том числе приключений на свою

задницу. В смысле развлечений. Даже в Королевской тюрьме.

Поэтому я совершенно не удивился, когда в неурочное время, примерно в три часа пополуночи, в одной из стен моей уютной камеры появилась дверь. И начала открываться — медленно, с угрожающим скрипом, как здесь заведено. Я поспешно отложил в сторону «Отчеты о восемнадцати странствиях капитана Хуруны цан Авоили по торговым делам» и с интересом уставился на дверь. Не то чтобы я никогда прежде не видел открывающихся дверей, просто живший полторы тысячи лет назад куманский капитан Хуруна цан Авоили умудрился написать настолько скучные мемуары, что любой повод хотя бы ненадолго от них отвлечься был хорош.

Наконец дверь открылась, и в мою камеру вошел комендант Холоми сэр Тойхи Камши. Выглядел он сейчас как в те времена, когда был лейтенантом Городской полиции и врывался среди ночи в мой кабинет, встревоженный очередным загадочным происшествием, смущенный, что ему приходится в очередной раз беспокоить коллегу из Тайного Сыска, и одновременно злой — на то, что без меня снова не обойтись. Хотя последнее обстоятельство он, конечно, умело скрывал. В первую очередь от себя.

— У вас что, узник сбежал? — спросил я.

Вообще-то сбежать из Холоми практически невозможно; единственный известный мне способ — договориться с разумными камнями, из которых построен замок, и доказать им свою невиновность; впрочем, после недавнего инцидента камни твердо пообещали больше никогда не заниматься самоуправством. Но других идей, зачем бы коменданту врываться ко мне среди ночи в настолько растрепанных чувствах, у меня не было.

Однако Камши отрицательно помотал головой.

— Хуже.

В этот момент я наконец понял сэра Джуффина Халли, который оживляется при всяком намеке на серьезные неприятности. Понял не теоретически, а всем сердцем — сам стал таким психом. Неужели шефу Тайного Сыска настолько же скучно с сотрудниками, как мне с мемуарами Хуруны цан Авойли? Я-то думал, мы довольно забавные, даже на его вкус.

Боюсь, мне не удалось скрыть охватившую меня радость; впрочем, Камши, глядя на мою довольную физиономию, тоже несколько приободрился. Сказал:

— Мне строго-настрого запретили донимать вас делами и даже просто серьезными разговорами. Сказали, надо беречь ваш покой. Но ситуация критическая: по всему выходит, что у нас просыпается Дух Холоми. Вот прямо сейчас.

— Что-то он зачастил в последнее время, — растерянно заметил я.

— Вы правы, сэр Макс. С его последнего пробуждения еще и года не прошло. И вот опять. Если начнет плясать, сами знаете, чем это может кончиться: в лучшем случае рухнет крепость, в худшем — вообще вся столица; по крайней мере, так говорят. При этом сэр Халли вот уже полчаса не отвечает на зов. Вероятно, ушел на Темную Сторону.

— Наверняка, — подтвердил я. — Он туда часто ходит.

— И сэр Шурф тоже не отвечает, — мрачно добавил комендант.

Ничего удивительного. Вот уж у кого с защитным барьером от Безмолвной речи с раннего детства никаких проблем. К тому же, сейчас все так удачно сложилось,

что я в Холоми. А значит, гарантированно не свалюсь ему на голову среди ночи. Наконец-то можно с легким сердцем выстроить прочную стену между собой и остальным миром и спокойно уединиться в Орденской библиотеке, а то и вовсе пойти спать.

— Остаетесь только вы, сэра Макс, — заключил Камши. — Больше некого звать на помощь. А ждать до утра слишком опасно.

— Да слушайте, вообще не вопрос, — улыбнулся я. — С удовольствием повидаюсь с Духом Холоми. Я по нему скучал.

«Скучал» — это, конечно, некоторое преувеличение. Если называть вещи своими именами, бесстыдное пижонство. Отлично я жил без этого грешного Духа Холоми долгие годы и еще столько прожил бы. Три раза по столько. Вечно, всегда.

На самом деле, я совсем не люблю неприятности, а пробуждение Духа Холоми — не просто неприятность, а катастрофа, одна из худших, какую только можно вообразить. Ужас в том, что природа этого явления не до конца понятна даже самым опытным исследователям. Официальная версия, на самом деле ничего толком не объясняющая, гласит, что замок Холоми, построенный точно в том самом месте, которое называется «Сердцем Мира», представляет собой не столько архитектурное сооружение, сколько живое существо, со всеми вытекающими последствиями. В смысле от него в любой момент можно ожидать каких угодно проблем. Например, пробуждения так называемого Духа Холоми, большого любителя поплясать; согласно древним легендам, которым на всякий случай верят даже записные скептики вроде сэра Джуффина Халли, такая дискотека

чревата крупномасштабными разрушениями, возможно вообще от всего Угуланда камня на камне не останется; к счастью, на практике эту гипотезу до сих пор никто не проверял, благо в любую эпоху находятся колдуны достаточно могущественные, чтобы предотвратить танцы — сгрести плясуна в охапку и очень крепко держать, пока не успокоится и снова не уснет.

В общем, хорошего мало. Однако доля правды в моей похвальбе все-таки была. Когда сэр Джуффин Халли застрял в Тихом Городе, и нам волей-неволей пришлось без него справляться*, Дух Холоми, с которым прежде традиционно разбирался шеф, в очередной раз решил пробудиться и как следует поплясать. Шурф, прежде несколько раз помогавший Джуффину укрощать это бедствие, отправился в Холоми — а что было делать? А меня взял с собой, просто от безысходности, как своего рода талисман. И, как выяснилось, правильно сделал, потому что я этого беспокойного Духа Холоми натурально заговорил. В смысле до полусмерти заболтал — тоже, собственно, от безысходности. Просто не знал, чем еще могу помочь. Поздоровался с пробуждающейся стихией неведомой нам природы, представился, как всегда увлекся, объясняя, кто я такой, откуда взялся и зачем пришел, слово за слово, и сам не заметил, как начал травить байки, болтал почти сутки без перерыва, пока Дух Холоми не утомился моей многословностью и не счел за благо снова заснуть.

Поэтому у меня была некоторая надежда, что сейчас тоже так выйдет. Тем более что новых баек у меня с тех

* Об этом периоде в жизни Тайного Сыска рассказывается в повести «Тихий Город».

пор изрядно прибавилось. По крайней мере, до утра как-нибудь продержимся, — думал я, шагая по тюремному коридору. — А там и Шурф проснется, и Джуффин объявится. Не могли же они оба одновременно сгинуть навек, пока я сижу в Холоми. Не настолько они вероломны. То есть вероломны, конечно, как все угуландские колдуны старой закалки, но всему есть предел.

— На самом деле может еще обойдется, — неуверенно говорил Камши, пока мы спускались по лестнице в подвал, настолько глубокий, что лично я на месте коменданта Холоми давным-давно пригласил бы сюда инженеров и велел бы им срочно изобрести лифт. — Все-таки из всех признаков скорого пробуждения пока только редкие стоны и красный дым. Но стены и пол не трясутся. И в жар не бросает, когда рядом с камнями стоишь.

— Ничего, — отвечал ему я, боюсь, ненамного уверенней. — Как-нибудь разберемся. Все будет хорошо.

— Как же меня это бесит! — с несвойственной ему обычно искренностью вдруг сказал Камши. И тут же, спохватившись, добавил: — Не ваши слова, сэр Макс. А то, что я сам не способен с ним сладить. По идее, все, что происходит в Холоми, моя ответственность. Надо было отказаться от этой должности, но сэр Халли меня убедил, что усмирение духа Холоми больше не входит в непосредственные обязанности коменданта, и мой предшественник тоже не умел...

— Ну так это чистая правда.

— Сам знаю, что правда. А все равно не надо мне было соглашаться. Проблемы, с которыми я не могу справиться своими силами, приводят меня в отчаяние.

— Меня тоже, — поддакнул я. — Естественно с ума от этого схожу.

Не люблю признаваться в своих слабостях, но очень хотелось как-то его поддержать.

Камши так удивился, что остановился, обернулся и внимательно на меня посмотрел.

— А разве у вас бывают проблемы, с которыми вы не можете справиться своими силами? — наконец спросил он.

— Да практически каждая вторая, — бодро ответил я.

Соврал, конечно. Их даже по самым скромным подсчетам гораздо больше. Но признаваться еще и в этом — перебор.

Так называемое Тайное (а на самом деле известное всем старшим офицерам охраны и некоторым гражданским служащим Королевской тюрьмы) подземелье, своего рода спальня Духа Холоми представляет собой довольно просторное темное помещение с таким низким потолком, что, переступая порог, я невольно пригнулся, опасаясь поцарапать макушку. Из обстановки там только причудливые груды камней на земляном полу; сам Дух Холоми остается невидимым, пока спит, да и, проснувшись, обретает скорее форму, чем плотность. Его, собственно, потому и трудно удерживать на месте, что сперва надо как следует овеществить, а на это мало кому хватает могущества, да и соответствующие навыки есть далеко не у всех.

В тот раз, когда я развлекал его разговорами, Дух Холоми выглядел невысоким гладко выбритым стариком с ярко-красной кожей, но, говорят, облик его непостоянен, далеко не всегда антропоморфен и до сих пор еще ни разу не повторялся. На памяти Джуффина он был длинноногой девочкой-подростком, тощим степным волком, точной, но безглазой копией старого коменданта

сэра Антаропа, и уже не припомню, кем еще. На самом деле, неважно, главное — сейчас дух Холоми спал. И, по моим ощущениям, пока просыпаться не собирался.

«По моим ощущениям» — это в данном случае не пустые слова. У меня неважное зрение, не особенно острый слух, а обоняние настолько слабое, что я даже запах безумия не способен уловить, зато присутствие магии я с некоторых пор чую безошибочно и легко могу не только отличить могущественного колдуна от человека с умеренными способностями, но и указать место, где концентрация магической силы хоть немного выше привычной нормы; нечего и говорить, что такие места я очень люблю. Когда мы с Шурфом приезжали сюда усмирять пробудившегося Духа Холоми, меня начало трясти еще на лестнице, а в самом подземелье я натурально впал в экстаз, потому, собственно, и трепался сутки, не затыкаясь — просто, чтобы не взорваться от избытка удивительных ощущений. А теперь ничего особенного не испытывал. Впрочем, возможно, я просто переборщил с отдыхом и утратил былую форму. Всякое может быть.

— Вот! — сказал Камши, указывая на едва заметную струйку красноватого дыма, видневшуюся из-под большого камня. — Обычно его бывает гораздо больше, но все-таки это явный признак. К тому же камни...

В этот момент в подземелье раздался душераздирающий стон.

— Вот! — горестно воскликнул комендант. — Слышали? Камни уже стонут. Именно это я и хотел вам сказать.

— Странно они как-то нынче стонут, — заметил я.

В прошлый раз камни Холоми стонали гораздо тише, и в этих звуках было столько откровенного блаженства,

что я даже грешным делом смутился, как будто застучал их не в самый подходящий момент. А сейчас стон был полон муки или даже пародии на муку, словно какой-то дурак решил передразнить умирающего от страшных ран. Что-то мне это напоминало, хотя в моем присутствии никто умирающих вроде бы не дразнил. Или?..

Да ну, быть того не может. А все-таки надо проверить.
— Все-таки надо проверить, — сказал я вслух.

И встал на четвереньки. Не с целью дополнительно порадовать коменданта, а чтобы сподручней было исследовать лабиринты нагроможденных на полу камней. Однако Камши, вынужденный наблюдать за моими действиями, все равно был несколько фраппирован. Можно сказать и так.

— Я не сошел с ума, — улыбнулся я, протягивая ему почти сразу обнаруженную между камнями дымящуюся пирамидку, скорее всего, какое-то очередное уандукское зелье не то для создания в доме уютной атмосферы, не то, наоборот, для наведения порчи в спальне врага; никогда в этом не разбирался и вряд ли когда-нибудь начну. — Зато кто-то из ваших подчиненных определенно с него сошел. Причем это оптимистическая версия. Гораздо хуже, если это проделали в здравом уме.

— Что проделали? — деревянным голосом спросил Камши. Но испускающую красный дым пирамидку у меня все-таки взял. Вот и молодец. Без нее ползать на карачках куда как сподручнее. А мне еще было ползти и ползти.

Я отыскал и передал ему еще полдюжины уандукских пирамидок. Больше в подземелье ничего не дымилось, вернее красный дым теперь источал исключительно сам Камши, застывший с благовониями в руках, но это как раз не беда. Дымящийся комендант Королев-

ской Тюрьмы признаком скорого пробуждения Духа Холоми совершенно точно не является, а то я бы знал.

После томительной паузы снова раздался долгожданный стон, да такой громкий, что Камши вздрогнул, уронил пирамидки и, выйдя наконец из оцепенения, бросился их собирать. А я метнулся к источнику звука — уж теперь-то ты от меня не уйдешь! — и вытащил из-за самого дальнего камня небольшой туго набитый неведомо чем мешочек из жизнерадостно розовой ткани. И торжествуя сунул его под нос коменданту.

— Знаете, что это такое?

— Понятия не имею, — честно признался тот.

— Это потому, что у вас нет детей. У меня, впрочем, тоже. Зато у моего друга — есть. Его сын долго выпрашивал такую игрушку в подарок к празднику Середины Лета. И наконец получил. После чего все домашние и их ближайшие соседи крупно об этом пожалели. Потому что эта пакость стонала по триста раз на дню, до самой осени, а мальчишка не разлучался с ней ни днем ни ночью, не давал отключить... Ну что вы так на меня смотрите? Я только и хочу сказать, что это — «мешочек стонов». Новомодная детская игрушка. Причем механическая. Уж не знаю, как она действует, но совершенно точно без магии, друг так сказал; он еще восхищался хитрой придумкой. Поэтому, как я понимаю, «мешочек стонов» прекрасно работает в Холоми. И дымные пирамидки тоже — поджег, и они понемножку тлеют, где ни поставь.

Камши молчал. И смотрел на меня так сердито, словно я сам устроил этот дурацкий розыгрыш. Ладно, хоть драться не лез.

— В общем, у нас с вами две новости, хорошая и плохая, — подытожил я. — Хорошая заключается

в том, что Дух Холоми пока не собирается просыпаться, хотя лично я бы на его месте от такого концерта давным-давно подскочил. Но нервы у него, хвала Магистрам, покрепче моих. А плохая — у вас тут завелся альтернативно остроумный шутник, который зачем-то инсценировал наиболее явные признаки пробуждения Духа Холоми. По-моему, довольно убедительно получилось, он большой молодец. Интересно, этот спектакль тянет на государственное преступление? Или всего лишь на служебное нарушение? Ладно, в любом случае это совершенно точно не моя печаль... Эй, а когда вы планируете обрадоваться? Мы же с вами только что спасли Мир! Вернее, обнаружили, что спасать ничего не надо, но, на мой вкус, так даже лучше. А на ваш — нет?

— Извините, сэра Макс, — наконец выдавил Камши. — За беспокойство и за мое недопустимое легкомыслие. Я должен был сперва сам тщательно проверить, и только потом...

До меня только теперь дошло, насколько ему хреново. Никто не любит выглядеть дураком, но для людей вроде Камши это подобно смерти. Думаю, он предпочел бы, чтобы сейчас и правда проснулся Дух Холоми. И разнес все к Темным Магистрам. По крайней мере, после такой катастрофы некому было бы вспоминать о позоре коменданта. Вернее, о том, что он сам считал позором. Я-то как раз нет. Потому и не осознал сперва масштабов его персональной трагедии.

— Да ни в коем случае, — поспешно сказал я. — Ничего вы не были должны. Ваше дело — при первых же признаках пробуждения Духа Холоми звать специалистов, а не тратить время на проверки, когда каждая минута

на счету. Вы поступили абсолютно правильно — согласно служебной инструкции и просто по-человечески. В таком деле лучше сто раз забить тревогу на пустом месте, чем один раз не поверить своим глазам и ушам. Я бы тоже не стал проверять, остался бы тут караулить, а вас отправил бы искать Джуффина. Просто так удачно сложилось, что у сына моего друга есть похожая игрушка, и я узнал звук.

Камши вроде стало немного полегче — насколько это вообще возможно для человека его склада. Оставалось надеяться, что Джуффин скоро найдется и быстро приведет коменданта в порядок. Вот уж кто способен в считанные минуты примирить человека с самим собой.

— Хотите камры, сэр Макс? — спросил комендант. — У меня в кабинете с вечера почти полный кувшин остался. Или лучше сразу отпустить вас отдыхать?

— Если в вашем сердце есть хоть капля милосердия, ни в коем случае не отпускайте меня отдыхать, — попросил я. — У меня в камере такая скучная книга, что я, если помните, даже пробуждению Духа Холоми обрадовался. Хотя на самом деле очень его боюсь.

— Правда, что ли, боитесь? — удивился Камши.

— Конечно, боюсь, как все нормальные люди. Только ему самому, пожалуйста, не говорите. Он-то после нашей последней встречи наверняка думает, что мы друзья. Не хотелось бы разбивать ему сердце.

* * *

— Вы очень не любите, когда к вам лезут с советами? — спросил я после того, как Камши выдал мне кружку с камрой. В надежде, что он, как бы ни рассердился, не станет ее у меня отнимать.

Комендант ничего не ответил. Но это и не требовалось. Его отношение к непрошеным советам было написано на лице.

— Ну да, естественно, не любите. Тем не менее я с ними все-таки поведу. Просто в надежде опротивить вам настолько, что вы уговорите мое начальство забрать меня отсюда до срока. А то скоро окончательно свихнусь — столько отдыхать.

На этом месте Камши все-таки улыбнулся.

— У вас и правда довольно странный отпуск, сэр Макс, — согласился он.

— «Нелепый» — более точное определение. Подозреваю, на самом деле я так достал своих коллег, что они ухватились за первую же возможность гарантированно избавиться от меня хотя бы дюжину дней. Теперь ваша очередь страдать от моего присутствия, наберитесь терпения. Собственно, я только и хотел сказать, что на вашем месте — если бы мне надо было быстро, без лишнего шума и ненужных расспросов отыскать этого, с позволения сказать, шутника — я бы вызвал сюда Нумминориха Куту.

— Нумминориха Куту? — зачем-то переспросил Камши.

Все-таки для коменданта Холоми он удивительно медленно соображал, даже со скидкой на все пережитые волнения.

— Нашего нюхача, — объяснил я. — Он вас без всякой магии сразу приведет к виновнику. К человеку, который недавно держал в руках этот «мешочек стонов». Уверен, что вы хотите как можно быстрее его отыскать.

— Да, помощь нюхача значительно ускорит служебное расследование, — согласился Камши. И наконец-то снова стал похож на самого себя.

К тому моменту, как сэра Джуффин Халли изволил снова объявиться в Мире и прибыть в Холоми, мой отпуск успел окончательно приобрести почти пугающее сходство с настоящей человеческой жизнью. Стол коменданта был заставлен едой, завален бумагами и украшен двумя отличными человеческими ногами, которые я на него положил. На подлокотнике моего кресла приостился Нумминорих, неописуемо довольный всем сразу: неурочным вызовом, простотой возложенной на него задачи, возможностью повидаться со мной, вкусом только что отправленного в рот тюремного пирога и своей жизнью в целом. По потолку панически метались гигантские рогатые ящерицы, которых я сотворил из сигаретного дыма — просто так, почти нечаянно, благо наконец-то надолго засел в помещении, подходящем для колдовства. А за окном занимался осенний рассвет, такой хмурый, словно на него возложили обязанность быть недовольным моим поведением; других желающих в любом случае не нашлось. Даже Джуффин при виде этой идиллии помрачнел настолько неубедительно, что сам это сразу понял. Но он не привык вот так сразу сдаваться, поэтому адресовал мне вполне пристойно исполненный рассерженный взгляд. Лет десять назад я бы ему поверил и, возможно, начал бы заикаться. А сейчас подумал, что надо бы ему подыграть и кротко сказал:

— Извини. Я честно сходил с ума у себя в камере. В смысле отдыхал, как вы с Абилатом прописали, пока не началась вся эта свистопляска с пробуждением Духа Холоми. Потом мы с сэром Камши радовались, что на самом деле ничего не началось. И ждали Нумминориха, чтобы было с кем разделить нашу радость. Потом

ходили в какое-то нелепое служебное помещение и нюхали форменную одежду. Вернее, Нумминорих нюхал, а я ему деятельно соперничал. И от всех этих потрясений зверски проголодался. Ну и вообще, имею право узнать, чем все закончилось. А оно пока не закончилось. Этого красавца еще надо арестовать. Ну или просто вызвать на ковер к начальству и гуманно откусить ему голову? Мы пока не решили. Нужен твой совет. И еще тарелка горячего супа, но за этим, как я понимаю, не к тебе.

— А в чем проблема? — удивился Джуффин.

— В том, что суп еще не сварили, — объяснил ему Нумминорих. — Но обещали, что скоро принесут.

— Да ну вас обоих в болото с вашим супом. В чем проблема с арестом, я имею в виду? По закону любые действия, ставящие под угрозу нормальное функционирование Королевской тюрьмы, считаются государственным преступлением. И ты, сэр Камши, знаешь это не хуже, чем я.

— Знаю, — кивнул Камши. — Просто в данный момент виновника переполоха нет на службе. А значит, арест должен производить Тайный Сыск. Я ждал вас, чтобы официально передать это дело. Ну и попутно просматривал его досье. Я неплохо знаю всех своих служащих, но освежить в памяти подробности бывает полезно.

— Ну и как, освежил?

— Как видите, — Камши кивнул на окружавшую его кружку груды бумаг и самопишущих табличек. — И теперь удивлен еще больше. Кого угодно мог бы заподозрить, но только не Глукомари Чалу! Не такой он человек.

Про себя я подумал, что все мы иногда бываем способны удивить не только начальство, но и самых близких

людей. И несмотря на последствия наших взбрыков, это хорошая новость обо всех человечествах, сколько бы их ни было во Вселенной. Но вмешиваться в беседу я не стал. Последние три часа в жизни бедняги Камши и без того было слишком много бодрого разговорчивого меня. А это довольно утомительно с непривычки; потому ничего, втягиваются и хотят еще.

— Все мы до поры до времени «не такие», — проворчал Джуффин. По этому вопросу он целиком солидарен со мной.

— Это правда, — согласился Камши. — А все-таки у каждого есть свой предел. Глукомари Чала — не вдохновенный адепт каких-нибудь тайных магических практик, не избалованный наследник богатого семейства и не вечерашний студент, а взрослый, серьезный человек, всю жизнь положивший, чтобы сделать приличную карьеру. У него был плохой старт — сирота из гугландской деревни, без денег, знакомств и мало-мальски выраженных способностей хоть к чему-нибудь. Зато предсказуемый и надежный, таких обычно ценят на государственной службе, но продвигают весьма неохотно, поскольку никаких достижений от них не ждут. Он начинал курьером при Канцелярии Скорой Расправы, потом прошел специальный курс обучения и стал сперва обслугой при конвое, а после — конвоиром, сорок лет возил заключенных в Нунду. И все это время искал пути для перевода в Холоми. Служба здесь, сами знаете, считается и почетной, и выгодной, и не слишком обременительной, если на то пошло. В конце концов, он как-то свел дружбу с тюремным поваром, тот согласился дать ему рекомендации, и тогда дело сладилось, Чалу взяли на должность Младшего Помощника Надзирателя служебных коридоров. А потом шаг за шагом, понемнож-

ку, от должности к должности дослужился до Старшего Дежурного Надзирателя хозяйственных лестниц. Женился на племяннице Второго Весеннего помощника бывшего коменданта; говорят, очень удачно. В смысле, это не просто стратегически выгодный, а во всех отношениях приятный для обоих супругов брак. Недавно купили дом, небольшой, зато на Левобережье, дети учатся в прекрасных школах, жизнь, что называется, удалась. Такие, как он, вполне могут совершить роковую ошибку по глупости или от страха, поддаться на шантаж, провороваться, продать служебную тайну, но пустить под откос все плоды многолетних усилий ради сомнительной радости устроить розыгрыш, который напугает начальство?! Слушайте, ну нет.

— Да, довольно нелепая выходит картина, — согласился Джуффин. — Ладно, посмотрим. Для начала надо арестовать этого шутника. Я допрошу его лично. Если хочешь, можешь присутствовать на допросе.

— Строго говоря, присутствовать при допросах моих подчиненных любыми следственными и судебными инстанциями я обязан согласно служебной инструкции, параграф четырнадцать, вторая часть, — заметил Камши. И, неожиданно улыбнувшись, добавил: — Но если бы не инструкция, пришлось бы признаваться, что очень хочу услышать, какие оправдания он сумеет придумать.

— Ну и отлично, тогда через час жду тебя в Доме у Моста, — Джуффин поднялся с кресла, сказал Нумминориху: — Пошли со мной. Если этого красавца нет дома, пригодишься, если он на месте, просто лишний раз позавтракаешь. А ты, сэр Макс, отправляйся в камеру.

Я довольно редко прихожу в ярость. Причиной тому не столько покладистый характер, сколько элементарная

лень. Ярость — приятное состояние, но очень уж много доставляет хлопот: ее приходится сперва проявлять словами и активными действиями, потом приводить себя в чувство, а остальной Мир — в порядок после того, что я наворотил. Как вспомню, никакой ярости уже не хочется. Вот и сейчас в последний момент передумал. В камеру так в камеру. В конце концов, уже утро. Можно лечь спать.

— У тебя же наверняка там остались какие-то вещи, — невинно добавил Джуффин. — Не следует их бросать.

В ответ я издал нечленораздельный рык, переходящий в утробный хохот, исполненный сатанинского торжества. Примерно так, по моим представлениям, и должно ликовать зло, досрочно, за хорошее поведение выпущенное в обреченный на него Мир.

— Сэр Шурф твердо пообещал, что в кратчайшие сроки научит тебя ставить защитный барьер от Безмолвной речи, — сказал шеф. — Не то чтобы я действительно верил в успех, но, по крайней мере, в отличие от нас с Кофой, он не боится, что ты начнешь кусаться уже после третьей неудачной попытки. Сэр Шурф исключительно мужественный человек.

— Ну так у него все домашние питомцы кусаются, — объяснил я, вспомнив старого лиса, однажды удачно меня цапнувшего и с тех пор норовящего повторить этот подвиг при всякой встрече. — Он привык.

* * *

— «Просто захотелось»?! Так и сказал? — изумленно переспросил я.

Арест и допрос шутника из Холоми я благополучно проспал, причем не дома, что было бы, по крайней мере,

логично, а в тюремной камере, откуда мечтал поскорей сбежать. Упаковал вещи, прилег на минутку, чтобы собраться с силами после бессонной ночи и слишком плотного завтрака, и уснул без задних ног. Зато теперь могу хвастаться, что стал первым в истории Королевской тюрьмы узником, которого слезно умоляли покинуть место своего заточения, а он — то есть я — прятался от освободителей под одеяло и бормотал: «Сейчас, сейчас, еще немножко, буквально пару минут».

В общем, допрос я профукал, сам виноват. Хотя в пересказе Джуффина тоже получилось неплохо. Шеф Тайного Сыска, как выяснилось, отлично умеет пучить глаза и деревянным голосом повторять: «Я не знаю, зачем это сделал. Просто мне так захотелось. Я думал, всем будет смешно». А больше ничего интересного Глукомари Чала, Старший Дежурный Надзиратель хозяйственных лестниц Королевской тюрьмы Холоми, великий любитель идиотских розыгрышей, на допросе не рассказал.

— И безумием совсем-совсем не пахнет? — спросил я.

Джуффин отрицательно помотал головой.

— Лучше бы пах, конечно. С безумцев никакого спроса. Даже наоборот, пожизненная Королевская пенсия и доброжелательное внимание лучших знахарей столицы. Жалко на самом деле беднягу. По уму, такая дурацкая выходка заслуживает — ну, максимум досрочной отставки. Хотя для него и отставка стала бы трагедией. А арест — и вовсе крушение жизни, полный и окончательный крах. Когда узнал, что ему светит, побелел, как небо, я уже думал, придется звать знахаря. Но ничего, крепкий мужик, устоял. Интересно, он что, с самого начала не понимал, чем дело кончится? Законов не знал?!

Да быть того не может, их всех перед поступлением на службу так натаскивают, что некоторые старики, говорят, перед смертью в бреду бормочут тюремный устав.

— А он, случайно, не околдован? — спросил я. — Вдруг это часть какого-то хитрого заговора? Подчинить волю одного из стражей Холоми наверняка много желающих. И тогда получается, псих — не сам Глукомари Чала, а тот, кто наложил на него заклятие ради такой ерунды. Но это, как я понимаю, как раз вполне обычное дело для героев Смутных Времен.

— Это было первое, что пришло мне в голову, — кивнул Джуффин. — Но вроде бы нет. По крайней мере, никаких следов известных мне заклятий я не нашел.

— А не известных тебе не существует в природе, — подхватил я.

— Да почему же. Еще как существуют, — огорошил меня Джуффин. — Уверен, их полно. Я же все-таки самоучка, не забывай. Впрочем, начиная с определенного уровня погружения в магию, все мы в каком-то смысле самоучки, включая счастливых, с которыми столетиями возились великие учителя. Просто потому что не существует такой традиции, которая вмещала бы в себя всю магию целиком. До какого-то рубежа можно пойти, полагаясь на знания предшественников, а дальше — в одиночку через темный лес. Что найдешь, то твое, чего не заметишь — ну, извини, сам дурак. А что касается заклинаний, в том числе подавляющих волю, самый простой и безотказный вариант их распознать — отвести человека на Темную Сторону и внимательно его осмотреть. Там любые следы магического воздействия как на ладони. Но Глукомари Чалу Темная Сторона не примет, никаких шансов. Поэтому мне пришлось

целиком положиться на свой опыт и знания. А что их может оказаться недостаточно — ну, ничего не поделаешь. Такой риск всегда есть.

— Слушай, — сказал я, — а не может быть, что все это случилось из-за меня?

— То есть ты каким-то образом выбрался из камеры, встретил в коридоре первого попавшегося охранника, запугал его до полусмерти, заставил выйти во двор, метнул Смертный Шар и потребовал развлечений? — обрадовался шеф. — Отличная версия. Только я ее не приму. Просто потому, что довольно неплохо тебя знаю. Заполучив в лапы покорного твоей воле охранника, ты бы просто набил свою камеру гостями — когда еще представится возможность устроить вечеринку в Королевской тюрьме. А унылая имитация пробуждения Духа Холоми, увы, не твой стиль.

— «Каким-то образом выбраться из камеры» тоже не мой стиль, к сожалению, — вздохнул я. — В жанре «побег из тюрьмы» я, как выяснилось, бездарь. Поэтому в коридорах никто никого не ловил. Я сейчас не об этом. А о том, что мне стало скучно. И события сами собой начали складываться таким образом, чтобы меня развлечь. А бедняга просто подвернулся под руку реальности в тот момент, когда она панически металась по своей событийной кухне, прикидывая, что бы такое устроить, лишь бы я отстал.

— Мания величия у тебя в последнее время стремительно прогрессирует, — одобрительно сказал Джуффин. — Рад за тебя. Во-первых, с ней жить веселее, а во-вторых, недооценивать себя в твоём положении настолько опасно, что лучше уж переоценить. И вот наконец-то переоценил, молодец, с почином! Впрочем,

иногда действительно именно так и бывает: ты сразу получаешь то, чего захотел. А иногда — только дюжину лет спустя, и тогда внезапное исполнение давно забытого желания называется «неприятный сюрприз». Однако ответственности с других участников событий это в любом случае не снимает. Свободы воли их никто не лишал, как поступать, они выбирают сами — до тех пор, пока ты не наложишь на них соответствующее заклинание. Тогда, конечно, другой разговор. Но, как я понимаю, никаких заклинаний ты на этого шутника не накладывал. И вообще о его существовании не подозревал.

Я молча развел руками. Чего не было, того не было. Что тут возразишь.

— Но вообще мне нравится ход твоих мыслей, — заключил Джуффин. — Прекрасный способ избавлять преступников от тюрьмы, гораздо лучше Королевского помилования, с ним очень уж много бюрократической возни. А так: «Преступление было совершено, чтобы развеселить заскучавшего сэра Макса», — и служащие Канцелярии Скорой Расправы, горестно вздыхая, ставят на судебном протоколе печать «Невиновен». Буду иметь в виду, когда у нас закончатся места в тюрьмах и казенные средства на выдворение изгнанников за пределы Угуланда. Судя по последним отчетам Городской полиции и астрономическому числу жалоб на нерасторопность столичного Управления Полного Порядка, которыми негодующие граждане уже по самую макушку завалили Королевскую Канцелярию по надзору за работой государственных служащих, к тому идет. Хорошая в этом году выдалась осень. Веселая. Даже чересчур.

— Ну точно! — воскликнул я с неуместным в сложившихся обстоятельствах ликованием. — Вот же на что это похоже!

— Что на что похоже? — насторожился Джуффин. — Ты о чем?

— Аргументация, — объяснил я. — Все они примерно то же самое говорили.

— Объясни по порядку, пожалуйста, — потребовал Джуффин. И ехидно добавил: — Я бы не стал тебя затруднять, если бы мог прочесть твои мысли, но там почему-то одни междометия. И рефрен: «Твою мать, твою мать, твою мать». Выразительно, но недостаточно содержательно.

— Да ладно тебе. Нет там никакого рефрена. Ругаться я как раз люблю вслух.

— Весьма похвально. А теперь попробуй еще и рассуждать вслух. Это трудней, чем ругаться, не спорю, но ты наверняка справишься. Я в тебя верю. Давай.

— Ну ты же наверняка знаешь, что в последнее время я несколько раз помогал полицейским, — осторожно начал я.

— Несколько раз в сутки, — кивнул шеф. — Ежедневно. Заливая при этом, будто наслаждаешься отдыхом в лучших притонах Кумона. Для меня совсем не новость, что люди, пускаясь в загул, часто врут всем вокруг, будто заняты срочной работой. Но чтобы наоборот...

— Просто не хотел, чтобы кто-нибудь из вас откусил Трикки голову за то, что он вызывает меня из отпуска, — объяснил я. — Ясно же, что от тебя все равно ничего не скроешь, поэтому мое вранье было скорее декларацией намерения взять ответственность на себя. Тем более что Трикки не просто так меня дергал.

Не по каждому пустяку. А только в тех случаях, когда поведение подозреваемых было настолько нелепым, что он принимал их за сновидения. Или за бодрствующих гостей из других Миров. Или за чьи-нибудь распоясавшиеся наваждения. Он же в этих вещах совершенно не разбирается. Я, впрочем, тоже не разбираюсь. Но официально считается, что я — да. Поэтому Трикки присылал мне зов — просто посоветоваться. И мне становилось так любопытно, что я прибегал посмотреть на безобразия своими глазами. Наши столичные дебоширы гораздо интересней куманских притонов, на мой утонченный вкус.

— Ты бы сперва все-таки хоть раз до этих грешных притонов добрался, — ухмыльнулся Джуффин. — Просто чтобы со знанием дела о них рассуждать.

— У меня отличная теоретическая база. О куманских притонах я довольно много читал. И слушал рассказы очевидцев. И даже несколько раз оказывался совсем рядом, буквально на соседней улице. Но если ты настаиваешь, ладно. Вот прямо сейчас туда и отправлюсь, чего тянуть.

— Так не пойдет. Какой может быть притон, пока ты ничего мне не объяснил? Даже толком не начал. Помогал ты полиции разобраться с разными странными происшествиями, ладно, договорились. И что?

— А то, что все эти эксцентричные хулиганы, о которых Трикки не знал что и думать, на поверку оказывались самыми обычными горожанами. Часто — солидными семейными людьми, вроде нашего шутника. Смотришь на такого и не веришь, что по его милости всего полчаса назад над площадью Побед Гурига Седьмого летал чей-нибудь оставленный без присмотра амо-

билер, причиняя при этом нешуточные разрушения окрестным домам и самому себе. Или младенец превратился в жуткую жабу — всего на пару минут и вроде бы без последствий, но его няньке хватило, чтобы хлопнуться в обморок и расшибить затылок; вот ее, кстати, еле спасли. Или потолок в трактире обрушился — хвала Магистрам, что никого не убил, но к раненым пришлось вызвать знахарей. И другие идиотские выходки — без цели, без смысла, без какой-либо выгоды; вроде даже не месть, по крайней мере, Трикки ни разу не удалось найти хоть какую-то связь между хулиганом и пострадавшими от его действий. И все твердили в один голос: «Я просто так это сделал. Думал, будет смешно». Безумием, кстати, тоже никто не пах; я, сам знаешь, не чую, но каждый раз специально спрашивал: может быть, хоть чуть-чуть? Но нет. И пьяных сильно меньше половины, да и те не в стельку, а так, слегка навеселе. Если интересно, о подробностях расспроси Трикки, только не откусывай ему голову. Я сам велел не стесняться и звать на помощь, когда происходит что-то излишне абсурдное. Потому что — ну слушай, любой из этих случаев и правда мог быть выходкой чокнутого сновидца. Досадно было бы его упустить.

— А Нумминорих у нас на что? — спросил Джуффин. — Пришел, понюхал, и сразу ясно, сновидец чудит или нет. Впрочем, ладно. Сам знаю, что ты сейчас скажешь: у Нумминориха и так много работы. А по ночам он берет уроки у Тубурских Сонных Наездников, поэтому не стоит лишний раз его будить. А тебе ничего не сделается, потому что с некоторых пор ты возомнил себя железным. Даже не знаю, с чего вдруг — факты кричат об обратном.

— Не сгущай краски. Ничего я не возомнил. Просто мне интересно. Чем дальше, тем интересней. Вообще все, прикинь. Кроме, разве что, куманских притонов, но заранее уверен, что я к ним несправедлив. Очень уж настойчиво вы все их мне нахваляли, а я на рекламу реагирую, как на чужие заклинания: вот не поддамся, и хоть ты тресни!.. Кстати, о чужих заклинаниях. Может быть, леди Сотофе нашего шутника показать? И Триккиных хулиганов заодно? Вдруг она все-таки что-нибудь этакое обнаружит? Заклятие, не заклиание, но, может быть, они, к примеру, съели что-то не то? Тебе же Мелифаро про пирожки с наваждениями рассказывал? За едой в последнее время тоже глаз да глаз.

— Что ты действительно умеешь, так это быть благодарным, — заметил шеф. — Глукомари Чала невольно спас тебя от тюремной скуки, и теперь ты изо всех сил стараешься выручить его.

— Можно подумать, тебе самому его поведение не кажется странным.

— Еще как кажется, — серьезно ответил Джуффин. — Особенно на фоне последних городских происшествий. Мне о таких пустяках развернуто не докладывают; получается, зря: не вижу общей картины. Один нелепый поступок, причин которого виновный сам не может объяснить — ладно, с кем не бывает. Но несколько подряд — это действительно интересно.

— Несколько дюжин, по самым скромным подсчетам.

— Тем более. Есть с чем идти к Сотофе. И о чем спрашивать Трикки. С него и начну. А ты, сэр Макс...

Я понял, что на мои плечи вот-вот ляжет какая-нибудь очередная неподъемная ноша, именуемая срочной работой, и почувствовал почти непреодолимое жела-

ние подпрыгнуть до потолка, как это делает Друппи, когда его зовут гулять. Великое все-таки дело тюремное заключение, любой бездельник в три счета перевоспитается. Ну или ладно, в пять.

— А ты, сэра Макс, не забывай, пожалуйста, что у тебя все еще отпуск, — сладким голосом произнес этот садист, господин Почтеннейший Начальник Тайного Сыска, о котором среди сотрудников почему-то ходят легенды, что он любого работой загонит в гроб.

Господи, да если бы.

На лице моем вероятно отразились настолько сильные и сложные чувства, что Джуффин примирительно добавил:

— Все претензии к Абилату. Это он сочинил нелепую легенду, будто чудовищам вроде тебя, слишком жадно хапающим силу Сердца Мира, следует регулярно отдыхать — просто чтобы не чокнуться прежде времени и не натворить бед. А я — простой деревенский парень и верю столичным знахарям, что с меня взять. Не хочешь куманских притонов — ладно, не заставляю. Вместо притона можешь отправиться к сэру Шурфу.

— Достойная альтернатива, — согласился я.

— Он клятвенно обещал за один вечер научить тебя ставить барьер от Безмолвной речи. Вот пусть теперь держит слово, а я посмеюсь.

* * *

— Не то чтобы я тебе не доверял, — сказал сэра Шурф Лонли-Локли.

Я насторожился, потому что знаю его не первый год. В каком-то смысле лучше, чем себя самого, поскольку на изучение внешних объектов всегда кладу больше сил,

чем на самоанализ. И успел заметить, что подобное начало беседы обычно ни к чему хорошему не приводит. После такого вступления традиционно следует какое-нибудь совершенно сокрушительное «но», а за ним — полный конец обеда, как говаривал один мой приятель, в прошлом умеренно непризнанный гений, а ныне та-шерский газетный магнат.

— ...но...

Так и знал.

— Но мне хотелось бы знать, как ты планировал умирять Духа Холоми, если бы тот и правда проснулся, — заключил Шурф. — Я помню, как вы с ним вели увлекательную беседу, но при этом удерживал его на месте все-таки я. В таком деле одним вдохновением без специальных приемов не обойдешься. А этим приемам, насколько мне известно, тебя никто не учил.

— Да ничего я не планировал, — честно сказал я. — Просто пошел в подвал с комендантом, а что было делать? Не бросать же его одного. Вы с Джуфффином оба не отвечали на зов, а на Камши смотреть было страшно: совершенно белый от ужаса и одновременно от злости на собственное бессилие. Кстати, слушай, а как получилось, что людей, способных удержать Духа Холоми от танцев, всего двое? И при этом вы не дежурите при нем неотлучно, как надо бы по уму, а занимаетесь совсем другими делами. Я понимаю, что постоянно дежурить в Холоми вам было бы скучно, но если уж пробуждение Духа такая страшная катастрофа...

— Понимаю, почему ты спрашиваешь, — кивнул Шурф. — Мне и самому не слишком нравится, что в системе безопасности Соединенного Королевства есть настолько серьезная брешь. Однако могу тебя успокоить,

как в свое время сэра Джуффин успокоил меня самого. Прежде всего, Дух Холоми никогда не просыпается быстро. Как правило, от момента появления первых признаков его скорого пробуждения до первого вздоха проходит не меньше суток. Часто больше. То есть отыскать хотя бы одного из нас и вызвать на помощь время обычно есть. При этом нас, конечно, не двое, а больше. Просто возиться с Духом Холоми никто особо не хочет. Для могущественного колдуна это примерно так же увлекательно, как подметать полы. Собственно, мы бы тоже охотно переложили эту заботу на чужие плечи, но нам по должности положено заботиться о безопасности Соединенного Королевства, а остальным — как бы нет. Однако, если мы с Джуффиним одновременно выйдем из игры, кто-нибудь — да хоть та же леди Сотофа — легко разберется с Духом Холоми. Ее даже звать специально не надо, сама почует беду и придет.

— То есть мы с Камши могли сразу пойти пить камру и ждать, пока все уладится само?

— Ты, разумеется, мог. Он — нет. Комендант Холоми обязан предотвращать всякие неприятности еще до их наступления. Или хотя бы пытаться. Так что пришлось бы ему метаться в поисках помощи до ее прибытия. Иначе нельзя.

— Странно все-таки, что комендант Холоми сам не способен укротить этого грешного духа, — сказал я. — По идее, это должно быть частью его работы. Разве нет?

— В идеале да, — согласился Шурф. И помолчав, добавил: — Собственно, раньше именно так и было. До Эпохи Кодекса, я имею в виду. Одно из самых тяжелых и неприятных ее последствий — резкое сокращение

числа квалифицированных магов. Многие погибли в Смутные Времена, другие были отправлены в пожизненное изгнание, некоторые уехали сами — какой смысл жить в Сердце Мира, если не колдовать? И, что хуже всего, новых практически не обучали — по закону никто не имел такого права, кроме Ордена Семилистника. Леди Сотофа, конечно, прекрасно воспитывает своих девочек, но насчет мужчин Ордена, я лучше промолчу — даже не столько из этических соображений, а просто чтобы не портить тебе настроение скверным своим.

— Да я и сам могу себе его испортить, — усмехнулся я. — В смысле вообразить, чему и как их учили. И насколько тебе весело и интересно с ними теперь возиться.

— «Возиться» — это бы еще полбеды, мне приходится вежливо игнорировать их существование, одновременно делая вид, будто не считаю его абсолютно бессмысленным, а это гораздо трудней, — мрачно сказал мой друг. — Все эти упертые сторонники безумных идей давно почившего Магистра Хумхи Йоха о вредоносном влиянии магии на практикующего при близком общении производят крайне удручающее впечатление. Если их кумир, при всем своем бесспорном безумии, был гениальным магом, то сами они вцепились в его идеи, как в последнее утешение: легко и приятно рассуждать о вреде Очевидной магии, когда ты недостаточно талантлив и слишком ленив, чтобы возместить недостаток способностей упорным трудом, а гонора у тебя при этом хватило бы на дюжину младших помощников хранителей Королевских ночных сосудов...

— А чего ты их просто не выгонишь? — сочувственно спросил я. — Ты же теперь начальник, как решишь, так и будет. Зачем они тебе?

— Ну, формально-то выгонять стариков не за что. Сместить с любой занимаемой должности того, кто с ней не справляется — запросто, этой возможностью я регулярно пользуюсь, чтобы навести хоть какой-то порядок в делах. Но выгнать человека из Ордена без крупной провинности не позволяет устав. В котором, к сожалению, не оговариваются минимальные обязательные требования к способностям и личным качествам адептов. Считается, если человека однажды приняли в Орден, значит, он того достоин, решение пересмотру не подлежит.

— А переписать устав? Чем он хуже Кодекса Хрембера?

— Тем, что любое внесенное в Орденский Устав изменение равносильно роспуску Ордена, а за такую выходку леди Сотофа мне голову оторвет. Орден формально один для мужчин и женщин, и ей удобно, чтобы он продолжал существовать. А что мне — не очень, так это мои проблемы. Впрочем, это справедливо: я в Ордене ненадолго, для выполнения определенной задачи, а она — как минимум до конца времен.

Зная леди Сотофу Ханемер, я ни на секунду не сомневался, что «как минимум до конца времен» сказано не для красного словца.

— Все-таки когда про срок в тридцать с лишним лет говорят «ненадолго», у меня волосы дыбом, — признался я.

— Редкий случай, когда твоя реакция не кажется мне преувеличенной, — усмехнулся мой друг. — Впрочем, ладно; справедливости ради, молодежь в Ордене вполне ничего. С большинством Младших Магистров можно иметь дело, а после того, как научатся правильно дышать, будет еще лучше. А среди новичков попадают такие,

что был бы я настоящим Великим Магистром с призыванием, сам себе сейчас завидовал бы. Но старшее поколение — о да-а-а-а-а.

Это длинное «да» в его устах прозвучало выразительней, чем добрая дюжина древних угуландских ругательств, которые, кстати, со временем стали могущественными заклинаниями. Удивительная все-таки штука формирование магического языка.

— Удивительно все же обнаружить в себе способность жаловаться, — помолчав, сказал Шурф. — Не назвал бы открытие приятным, это совсем не тот талант, обладания которым я бы желал. А ведь намеревался всего лишь объяснить тебе, что человека соответствующей квалификации, способного удержать Дух Холоми и одновременно выполнять всю административную работу, в настоящее время в Соединенном Королевстве просто нет. Когда это выяснилось после трагической гибели леди Ауды Рейи, бывшей комендантом в Смутные Времена, сэра Джуффин рвал и метал. Все мало-мальски подходящие кандидаты на должность коменданта Холоми к тому времени находились там в качестве узников или отбывали бессрочную ссылку. Оставался разве что я. Но идея сделать комендантом Холоми бывшего Безумного Рыбника не нашла понимания даже у покойного Короля, хотя обычно в самых важных вопросах они с Джуффином были заодно. Пришлось остановиться на кандидатуре сэра Марунарха Анторопа — ты же, насколько я помню, был с ним знаком*? Сердечный человек, прекрасный администратор,

* Действительно был. Обстоятельства знакомства описаны в повести «Камера номер пять-Хох-Ау».

и, что особенно важно, замок Холоми изъявил готовность принять его назначение, как потом согласился с кандидатурой Тойхи Камши; как ты понимаешь, мнение замка в этом вопросе решающее. А обязанность разбираться с Духом Холоми легла на плечи Тайного Сыска. То есть в итоге мне все равно пришлось учиться его умирять. Ну, хорошо хоть не всему остальному. Всякий опыт сам по себе интересен, но не всякий жизненно необходим.

— Иногда дурная репутация — сущее спасение, — улыбнулся я. — Ты, наверное, от радости на потолке плясал, когда Король завернул твою кандидатуру.

— Да нет, не особо плясал. Не то чтобы я мечтал об этой должности, но и не стремился любой ценой ее избежать. До недавнего времени мне было более-менее все равно, чем заниматься. Неравнодушие к своей судьбе — не та роскошь, которую я мог себе позволить. Не забывай, в ту пору мои Мертвые Магистры еще сторожили меня на границе между явью и сном*. И задача у меня была понятно какая — сохранять равновесие, ни на миг не расставаться с новой личностью, ничем себя не выдавать и постараться дожить до того момента, когда я буду способен закрыть старый счет. А какую работу при этом выполнять — да какая разница? Лишь бы оставался досуг для чтения и путешествий, потому что совсем без радостей не прожить никому, даже мне. То есть физически выжить можно, но о магии придется забыть. Какими бы способностями ни обладал человек, а для успешной практики магии высоких ступеней нужна жажда жизни.

* Подробно об этих обстоятельствах рассказывается в повести «Ворона на Мосту».

Даже вожделение к жизни. Страсть. А какая может быть страсть к тому, что тебе давно опротивело.

— Получается, хорошо, что у меня такое шило в заднице? — обрадовался я.

— Не преуменьшай, сэра Макс, их там, по самым скромным подсчетам, несметные тысячи. Что, разумеется, хорошо. Жадность к жизни всегда была твоей сильной стороной. И, надеюсь, ею останется. Это более чем вероятно — при условии, что ты не сойдешь с ума от переутомления. Доводить до такой крайности я тебе не советую. Одна из самых малоприятных разновидностей безумия. И пользы от нее никакой.

— Ай, ну да, — спохватился я. — Ты же не просто так переводишь на меня камру, а потому, что должен научить ставить этот грешный защитный барьер от Безмолвной речи. Джуффин говорит, ты ему твердо пообещал. Надеюсь, вы не поспорили на деньги? Не хотелось бы нанести разоренной Орденской казне последний сокрушительный удар.

— Нет, мы не поспорили на деньги, — совершенно серьезно ответил Шурф. — И я думаю, зря. Когда еще представится возможность так легко заработать.

— Легко?!

— Легче легкого. Я наконец-то понял, почему у тебя не получается. В глубине души ты очень сильно не хочешь ставить этот барьер, потому что боишься пропустить что-нибудь важное. Которое, как тебе кажется, непременно случится, как только ты закроешься для Безмолвной речи. И без тебя, конечно, все рухнет.

— Надо же, я ровно то же самое понял. Совсем недавно. Пока скучал в камере. Все-таки длительное тюремное заключение активизирует мыслительные процессы.

Страшно даже представить, до чего бы я успел додуматься, если бы отмотал весь срок... Но как ты собираешься распорядиться своим великим открытием? Бояться пропустить что-то важное я вряд ли вот так сразу перестану. И что без меня все рухнет, заранее совершенно уверен. Джуффин говорит, у меня наконец-то появилась мания величия. Возможно, он прав.

— Похоже на то. Тот факт, что мы неплохо справлялись в твоё отсутствие, не производит на тебя никакого впечатления; впрочем, это я как раз очень хорошо понимаю: тебе проще думать, будто нам все эти годы случайно везло, чем согласиться, что без тебя легко обойтись. Звучит абсурдно, но в твоём случае вполне может оказаться правдой; по крайней мере, лично я не готов проверять, так оно или нет. Поэтому не беспокойся, с твоей манией величия я бороться не намерен. Напротив, постараюсь вносить посильный вклад в её дальнейшее формирование.

— Просто говори мне время от времени, что я властелин Мира, — посоветовал я. — Часто не надо, дюжины раз в сутки вполне достаточно. И аргументацию можешь особо не продумывать, я тебе верю, ты знаешь. Как мало кому в Мирае. Собственно, как больше никому.

— Вот именно на это я и решил сделать ставку, — невозмутимо кивнул мой друг. — Я имею в виду, на то, что ты мне целиком доверяешь. А кроме того, знаешь, что я, если надо, могу пробиться с Безмолвной речью через любой защитный барьер.

Это правда. В искусстве сокрушения чужих защитных барьеров сэр Шурф Лонли-Локли великий мастер. То есть он много в чём великий мастер, но в этом деле по-настоящему страшен. В смысле, кого угодно способен достать. Даже сэр Джуффин Халли не мог спокойно поиграть

в карты со старыми приятелями, когда в нем внезапно возникла неотложная надобность и за дело брался Шурф. У него нестигаемая воля, помноженная на сверхчеловеческую концентрацию. Проще говоря, он упрям, как адский осел из ослиного ада. Мне до него пока далеко.

— Можешь, — согласился я. — И?..

— Если я твердо пообещаю, что в случае любого из ряда вон выходящего происшествия непременно тебе о нем сообщу, ты мне скорее всего поверишь.

— Пожалуй, поверю, — подумав, согласился я.

— И наконец-то перестанешь неосознанно сопротивляться обучению. А ничего по-настоящему сложного в создании защитного барьера от Безмолвной речи нет. Это даже проще, чем сам разговор; для тебя так точно гораздо проще. Ты же, насколько я знаю, не любишь Безмолвную речь. Есть опасение, что ты быстро войдешь во вкус и вовсе перестанешь ею пользоваться, но тут придется положиться на твой здравый смысл.

Про мой здравый смысл он сказал без тени иронии. Поразительный человек.

...Но еще более поразительно, что я сумел не возненавидеть его в течение последующих трех с половиной часов. В смысле пока предавался блаженству усвоения новых знаний, несколько более немислимому, чем я был готов пережить вот прямо сейчас.

Однако мои страдания были не напрасны. Шурф и правда зря не поспорил на деньги. В его нынешнем положении главы Ордена, беззастенчиво разоренного предыдущим Великим Магистром, пари — один из немногих способов поправить свои финансовые дела. А еще ограбления и шантаж. Но у него вечно нет времени на удовольствие, вот в чем беда.

* * *

Весь вечер я понятно как развлекался. Ставил свой новенький, только что обретенный защитный барьер — надолго, на целых десять минут. И сидел, восхищаясь титанической силой своего духа и заодно магическим мастерством. Потом у меня не выдерживали нервы, я снимал защиту и начинал опрашивать всех подряд: «Ты меня только что не искал?», «Я тебе случайно вот прямо сейчас не нужен?», «Все в порядке?» Понятно, что мне отвечали: «Нет», «Не откажусь, но это не срочно», «Да». И так далее. Интересно, а чего еще я ждал?

Ну как — чего. Всеобщей паники, наступления вечной ночи, воскрешения злопакостных мертвецов на кладбище Кунига Юси, мятежа на границах, эпидемии анавуайны, а также, вероятно, нашествия саранчи. Все-таки я очень смешной, если знать меня достаточно близко. Особенно изнутри.

...Не то с горя, не то на радостях я наконец отправился домой. Хотя бы для того, чтобы наконец избавиться от вещей, которые забрал из Холоми и до сих пор таскал за собой в пригоршне — уменьшенными и невесомыми, но все равно непонятно зачем. К тому же, спокойный вечер в домашней обстановке — это для меня, пожалуй, одно из самых экзотических приключений. Реже, чем дома, я бываю вот разве что в куманских притонах — при том, что в глубине души я домосед. Просто непоследовательный. Исполненный неразрешимых противоречий, которые расточительная природа зачем-то в меня насовала, как изюм в кекс.

Открывая дверь, ведущую в гостиную Мохнатого Дома, я всегда на всякий случай заранее готовлюсь к худ-

шему. Но и к лучшему тоже готовлюсь. То есть вообще ко всему. И правильно делаю: практика показывает, что в моей гостиной может происходить что угодно, начиная с неофициального визита Его Величества и заканчивая локальным ураганом, аккуратно расставляющим по местам им же самим перевернутые кресла.

Единственное, в чем я могу быть более-менее твердо уверен, стоя на этом пороге, — что меня непременно повалят на пол. Такой теплый прием гарантирован каждому, в чьем доме живет любвеобильная овчарка Пустых Земель.

Однако на этот раз Друппи не бросился мне навстречу, сметая все на своем пути. Он вообще не тронулся с места. Только ушами приветливо взмахнул.

Его ближайший друг, единственный в Мире синхронный переводчик с собачьего языка на человеческий и наоборот, говорящий пес Дримарондо, самый популярный преподаватель новейшей угуландской словесности столичного Королевского Университета — хотя бы потому, что о возможности погладить профессора и угостить его леденцами прямо во время лекции мечтает любой студент — тоже вел себя странно. Не развалился на диване, обложившись книгами и студенческими сочинениями, как у него это принято, даже никого не поучал, а смиренно сидел рядом с Друппи на специальной собачьей подстилке, занимать которую обычно считает ниже своего достоинства — примерно на триста восемнадцать этажей.

Вид у обоих псов был собранный и обреченный, как у молодых солдат, отправленных охранять командира во время переговоров в стане врага.

Примерно такой же вид был у Базилио. Ну, правда, она хотя бы сидела не на собачьей подстилке, а за столом. В звенящей тишине ее тихий голос звучал набатом,

хотя говорила она просто какую-то вежливую ерунду, что-то вроде: «Позвольте предложить вам напитки». А гость, к которому она обращалась, молчал столь выразительно, словно его уже многократно пытались здесь отравить. Хотя на моей памяти сэр Корва Блимм появился в Мохнатый Дом впервые. А что яды мы расходует экономно и кому попало в камру не подливаем любому здравомыслящему человеку должно быть заранее ясно: в большой семье без бережливости никак нельзя.

Базилио и собак было жалко; за кошек и призрака великого математика леди Тайяры, которые благоразумно не стали соваться в гостиную, оставалось только порадоваться. С другой стороны, мои домочадцы давно могли бы привыкнуть, что в нашем доме периодически появляются разные странные существа. Собственно, мы тут и сами тоже довольно странные существа — кроме, разве что, добряка Друппи, тот просто очень большой.

Не то чтобы сэр Корва Блимм был таким уж чудовищем. Строго говоря, он вообще не чудовище, даже не какой-нибудь Мятежный Магистр в завязке, а просто человек. Теоретически даже вполне приятный — если сделать скидку на его манеры, которые с непривычки могут огоршить кого угодно. Старая аристократия Соединенного Королевства, слишком родовитая, чтобы считать ровней самого Короля, в личном общении мягка и приветлива только с собственными слугами. А с остальными они обычно щеголяют прямолинейностью, граничащей с грубостью, высокомерием, плавно переходящим в лютую спесь, и умением называть вещи своими именами, в смысле шокировать неподготовленных собеседников крайне нелестными определениями, заранее заготовленными для всего сущего, кроме, может

быть, супа, приготовленного любимым поваром, недавно переманенным от соседей — вот о чем с ними легко и приятно говорить.

Мне такое безобразное поведение скорее нравится, я бы даже сказал, близко по духу, но здешним обычаям, включая правила хорошего тона, меня обучал сэра Джуффин Халли. А он, как и положено провинциальным выскочкам, довольно вежливый человек.

Поэтому моим манерам недостает аристократической изысканности. И, боюсь, всегда будет недоставать. Настоящий аристократ на моем месте сейчас прямо спросил бы: «Корва, какого драного лешего вы здесь забыли? Я вас не звал». А я зачем-то пожелал ему хорошего вечера. Несмыываемый позор.

Но сэра Корва Блимм был настолько великодушен, что не стал отвечать обычной для человека его воспитания репликой: «Вам, может, и хорош, а как по мне, дрянь». А просто сказал:

— Нам надо поговорить.

— Пойдемте в мой кабинет, — предложил я, заранее предвкушая, как бедняга будет тащиться по лестнице на самый верх, в мою башню. Сто двадцать восемь ступенек, не менкал чихнул.

Я-то сам обычно хожу туда Темным Путем и горя не знаю, а Корве хочешь не хочешь, придется поработать ногами. Магию, насколько мне известно, он никогда всерьез не изучал, хотя, если верить моим ощущениям при всякой встрече, имеет к ней большие способности. Однако когда сэра Корва был молод, ни один из Великих Магистров не пришел валяться у него в ногах, умоляя милостиво соизволить стать его учеником, а вступать в какой-либо магический Орден

на общих условиях сэра Корва Блимм, разумеется, не пожелал. Его брат Кима, поступивший в Орден Семилистника и быстро дослужившийся там до высокого звания главного смотрителя Орденских винных погребов, по моим сведениям, до сих пор считается в семье славным парнем, но размазней.

«Интересно, на какой по счету ступеньке Корва пожалеет, что не освоил Темный Путь?» — злорадно подумал я.

На самом деле я вовсе не злой человек. Просто у меня развито чувство комического. Вот без него я бы пожалуй вполне мог бы сделаться злым, благо темперамент подходящий. Но злым я уже несколько раз в жизни был, оказалось, это совсем не увлекательно. И следовательно, не имеет смысла, по крайней мере, для меня. Гораздо интересней искать и находить хоть что-нибудь смешное во всех, кто меня сердит. Непростая задача, но я справляюсь примерно в девяти случаях из десяти. Например, вот прямо сейчас.

Пока мы поднимались по лестнице, я сообразил, что надо убрать защитный барьер. Я с ним уже наигрался, в смысле неоднократно убедился, что все получается. И теперь могу благополучно отправить это умение в сундук пассивной памяти, где хранятся всякие условно полезные знания вроде таблицы умножения и чудесной способности посылать в дальний полет нагруженную пирогами тарелку.

Вовремя спохватился. Базилио тут же прислала мне зов и сказала: «Макс, с тобой почему-то стало очень трудно связаться. Я уже испугалась, что разучилась пользоваться Безмолвной речью, но с другими получается легко, как раньше».

«Извини, — покаялся я. — Это я защитный барьер учился ставить, чтобы спать не мешали. И не сообразил, что надо сперва тебя предупредить».

«Ничего. Леди Тайяра говорит, что людям умственного труда иногда бывает полезно поволноваться за близких. А иначе мы, чего доброго, и не вспомним, что они у нас есть. Мне кажется, она права. Когда я решаю настоящему интересные задачи, забываю даже... Неважно. Вообще обо всех».

«Вот и у меня вечно та же история. Добро пожаловать в клуб».

«Больше не буду тебе мешать, — пообещала Базилио. — Просто хотела сказать спасибо, что ты так быстро увел своего гостя. Он... Ну, в общем, довольно странный. Звери его боятся. А на меня, даже когда я выглядела чудовищем, никто с такой неприязнью не смотрел».

«Это не на тебя лично, — утешил ее я. — Он вообще на всех так смотрит, включая собственное отражение в зеркале и единственную дочку. Собственно, начиная с себя и нее».

С сэром Корвой Блиммом меня связывают крайне сложные и запутанные отношения. То есть, если бы я просто перерезал всю его родню в разгар Смутных Времен, нам обоим было бы гораздо проще: мы бы демонстративно не здоровались при встрече, возможно, время от времени организовывали бы ни к чему не обязывающие покушения друг на друга, и на этом все. Но о такой легкой жизни нам остается только мечтать.

Дело не в том, что у меня был — и теоретически продолжается — роман с Корвиной дочкой. Уж чем-чем, а романами нашу аристократию не шокируешь, каков бы ни был состав участников и выбранные ими способы

выражать свою страсть. Там, где простой обыватель беспомощно всплеснет руками: «Да что же это творится, люди добрые?!» — любой из потомков знати времен Древней Династии с досадой поморщится: «Вечно одно и то же», — и призовет садовника, чтобы спросить, когда в этом году расцветут уандукские фийорфины — событие, заслуживающее куда более пристального внимания, чем любовные похождения соседей, знакомых, королевских придворных и членов их собственной семьи.

Поэтому мой роман с леди Меламори Блимм шокировал ее отца и остальную родню не самим фактом, а только рекордной продолжительностью. Правила хорошего тона велят девушкам из аристократических семейств бросать любовников не позже, чем через дюжину дней после первого свидания. Но с тех пор, как Меламори поступила на государственную службу, да еще и в Тайный Сыск, что по меркам ее родни немногим лучше, чем продать себя в рабство на одном из подпольных рынков Куманского Халифата, от нее заранее ожидают сколь угодно разрушительных выходов. То есть, будь наш до неприличия затянувшийся роман единственной проблемой, Корва бы это как-нибудь пережил.

Гораздо труднее ему смириться с тем фактом, что однажды, давным-давно я вылечил от безумия его любимую жену, предварительно простив ей покушение на мою жизнь, спланированное и осуществленное, как нам всем хочется верить, в помрачении и бреде*. Причем почти нечаянно вылечил: метнул в нее Смертный Шар и приказал выздороветь; в ту пору я вовсе не был уверен

* Об этом подробно рассказано в повести «Дорот, повелитель Манухов».

в результате да и сейчас отношусь к собственной способности исцелять, мягко говоря, настороженно.

Не могу сказать, что выздоровление улучшило характер леди Атиссы и прибавило ей здравого смысла; как по мне, даже наоборот, но безумием от нее больше не пахнет, а значит, исцеление действительно произошло. С тех пор сэр Корва Блимп мой вечный должник, и я могу представить, насколько это для него невыносимо. Ну то есть только теоретически могу. Я-то человек совсем другого склада: когда меня спасают, говорю «спасибо» и спокойно живу себе дальше в полной уверенности, что регулярное спасение друг друга — неотъемлемая часть нормальных взаимоотношений между людьми.

Но и это вполне можно было бы пережить. Тем более что быть моим вечным должником легко и удобно: я не болтаю о своих добрых поступках на всех углах. И не донимаю сэра Корву требованиями деятельно выражать мне благодарность — например, низко кланяться при всякой встрече или держать на стене в гостиной мой парадный портрет.

Однако есть еще одна проблема. В семействе Блимпов существует легенда, будто их единственная дочь регулярно сбегает в далекий Арварох не просто ради собственного удовольствия, а спасаясь от ужасного меня.

Беда в том, что поначалу леди Меламори действительно меня побаивалась — много лет назад, в самом начале нашего знакомства, когда я за ней крайне неуклюже ухлестывал, а она никак не могла решить, что делать с таким счастьем. В смысле, насколько далеко меня можно послать, чтобы потом вернуть, если вдруг понадобится. Однажды она пожаловалась родителям,

что новый коллега ее иногда пугает; ляпнула и забыла, а они запомнили навсегда.

С тех пор многократно изменилось все, начиная с самой Меламори, к чьей врожденной способности мотать мне нервы прибавились чрезвычайно полезная привычка регулярно спасать мою жизнь и удивительное умение привносить в нее радость, однако Блиммы по-прежнему считают, что в моем лице их дочь обрела вечный кошмар, от которого одно спасение — смотаться в Арварох. А тот факт, что Меламори стала первой за всю обозримую историю магии Соединенного Королевства ученицей тамошних буривухов, которые, по идее, такому могут научить, что самому Лойсо Пондохве в страшных снах не снилось, ее родители полагают просто предлогом, придуманным, чтобы сохранить лицо. Люди часто выбирают считать правдой самую неприятную из возможных версий. А когда она одновременно еще и самая понятная, вцепляются намертво, чтобы никто не смог эту страшную якобы правду у них отнять.

Таким образом, в моем лице сэр Корва Блимп обрел злейшего врага, которого следовало бы придушить собственными руками. И одновременно вечного благодетеля, спасшего его любимую жену. Жить с такой непростой композицией в голове и правда не сахар, я ему от всего сердца сочувствую. Но изменить ничего не могу. Разве что на глаза пореже попадаться; впрочем, до сих пор это у нас получалось как бы само собой.

Интересно все-таки, какого лешего он пришел?

Одолев пятьдесят пять ступенек — да, я шел следом и злорадно считал — сэр Корва внезапно остановился и спросил:

— Ваш кабинет на самом верху?

— Да, в башне, — жизнерадостно подтвердил я.

— Нелепо так высоко карабкаться ради нескольких слов, которые можно сказать прямо здесь, — решил он.

Я так восхитился его здравомыслием, что наступил на горло своему пресловутому чувству комического, которое подстрекало меня забубнить: «Говорить о делах следует в кабинете, обедать в столовой, спать в спальне, а по лестницам можно только ходить вверх и вниз». Еще, чего доброго, поверит, что для меня это важно, вздохнет и пойдет дальше — мне же тогда за ним тащиться, умирая от любопытства, еще семьдесят три ступеньки, четко осознавая, что сам виноват.

Поэтому я кивнул:

— Как хотите.

— Нынче ночью мне приснилась моя дочь, — сказал сэр Корва таким тоном, каким обычно сообщают о досадных бытовых неприятностях специально вызванному мастеру по ремонту. — Обычно я не придаю значения подобной ерунде, но она поклялась нашей фамильной клятвой, что этот сон имеет такую же силу, как визит наяву. Строго говоря, клятва в ее исполнении мне тоже всего лишь приснилась, но я не раз слышал, что сновидения, которые можно приравнять к реальным событиям, действительно существуют, поэтому всякое может быть. А вы решайте сами, принять мои слова на веру или выбросить из головы.

— Да чего тут решать. По моим сведениям, именно таким сновидениям Меламори и учится в Арварохе.

— Действительно, что-то такое она рассказывала, вернувшись из первой поездки, но я тогда особо не вникал. Ладно, тем лучше. По крайней мере, передавая ее

слова, я буду выглядеть дураком только в своих глазах, а не в ваших.

— Она попросила вас что-то мне передать?!

Сказать, что я удивился, было бы изрядным преуменьшением. Глагол «офонарел», который я обычно использую в подобных случаях, тоже несколько слабоват. И не передает некоторых важных смысловых нюансов.

— Именно так. Моя дочь сказала, чтобы вы прекращали от нее прятаться. Если вам не хочется видеть кого-то во сне, об этом следует заявить прямо, а не малодушно отгораживаться защитными барьерами. На этом все.

Я открыл было рот, но вовремя осознал, что ничего, кроме площадной брани, на ум мне пока не приходит. Поэтому лучше помолчать.

Некоторое время сэр Корва с неподдельным интересом исследователя созерцал выражение моего лица. Наконец примирительно сказал:

— Да я и сам удивлен. Правда по иным причинам. И вовсе не горел желанием пересказывать вам эту чушь. Однако мои предки считали, что просьбы путников и изгнанников следует по мере возможности исполнять. Моя дочь знает, что я охотно следую старинным законам в тех случаях, когда это не требует совсем уж абсурдных жертв, но прежде она ни разу не обременяла меня подобными просьбами, ни наяву, ни тем более во сне. Исходя из этого, я сделал вывод, что ей, вероятно, крепко припекло.

— Спасибо, — наконец выговорил я. — Но на самом деле, даже если я захочу помешать кому-либо мне сниться, все равно не сумею. Из всех магических защитных барьеров я пока освоил только тот, который препятствует Безмолвной речи. Да и его — буквально пару часов назад.

— А. Так вот почему это диковинное существо, выдающее себя за рыжую девчонку, не смогло с вами связаться, — понимающе кивнул сэр Корва. — Я думал, просто не умеет, что в его положении вполне простительно: все-таки оно не человек.

— Овеществленным иллюзиям магия дается даже легче, чем людям. А во всем остальном они не настолько от нас отличаются, чтобы из-за этого шум поднимать, — заметил я. — Что касается меня, так я просто последние несколько дней безвылазно просидел в Холоми, куда меня отправили за то, что перед этим вовсе не спал. Видимо, стены Холоми сами по себе непреодолимый барьер.

— Зачем вы мне это объясняете? — удивился сэр Корва. — В мои планы не входит принуждать вас к общению с моей дочерью, во сне или наяву.

— Затем, что, если Меламори в своих сновидениях доберется до вас прежде, чем до меня, есть шанс, что вы вспомните и сможете передать ей мои слова. Чем раньше она узнает, в чем дело, тем лучше. Она сейчас учится намеренно сниться другим людям по собственному выбору, и любая неудача может надолго выбить ее из колеи. А то и вовсе лишит желания учиться дальше. В магии без уверенности в своих силах далеко не уйдешь.

— Неудача в магии! — недоверчиво усмехнулся сэр Корва. — Вас пугает эта проблема? Не что-то еще, а именно она?!

— Да не то чтобы пугает. Просто кажется довольно серьезной. Все остальное ерунда. Любые недоразумения между людьми рано или поздно как-нибудь разрешаются. А ошибки, сделанные при изучении магии, к сожалению, далеко не всегда.

— Не сосчитать, сколько раз этот Мир изменялся до полной неузнаваемости, — сказал сэр Корва. — Говорят, в древние времена целые материки исчезали под водой, в небе появлялись незнакомые созвездия, женщины ели отцов своих детей, а зимы бывали такими лютыми, что из туч вместо дождя сыпался лед и лежал на земле, не растаяв, целую дюжину дней кряду, а то и две. И только одно осталось неизменным со времен младенчества моих предков: все угуландские колдуны непременно чокнутые, один другого хуже. Извините за откровенность, сэр Макс.

— Да мне-то что. Я вообще приезжий. То есть будь я хоть тысячу раз чокнутый, вашу теорию своим примером подтвердить, к сожалению, не могу. Зато и не опровергну, если вдруг все-таки окажусь нормальным, в отличие от всех остальных.

Он улыбнулся — как-то неожиданно совершенно по-человечески, словно между нами отродясь не было никаких сложностей. И спросил:

— Вы проводите меня вниз? Я бы и сам нашел выход, просто не так воспитан, чтобы ходить по чужим домам без сопровождения, как присланный по делу слуга. Я знаю, что вам все равно, но поскольку речь идет о моем поведении, мне — нет.

— Вообще не вопрос, — кивнул я, ощутив небывалый прилив энтузиазма.

Сэр Корва и правда прекрасный человек. Но провожать его к выходу — одно удовольствие, чего уж там.

После отбытия сэра Корвы Блимма в доме воцарилась настоящая благодать. Все выглядели совершенно счастливыми, но на всякий случай вели себя по-прежнему тихо. Я даже подумал, что следует составить